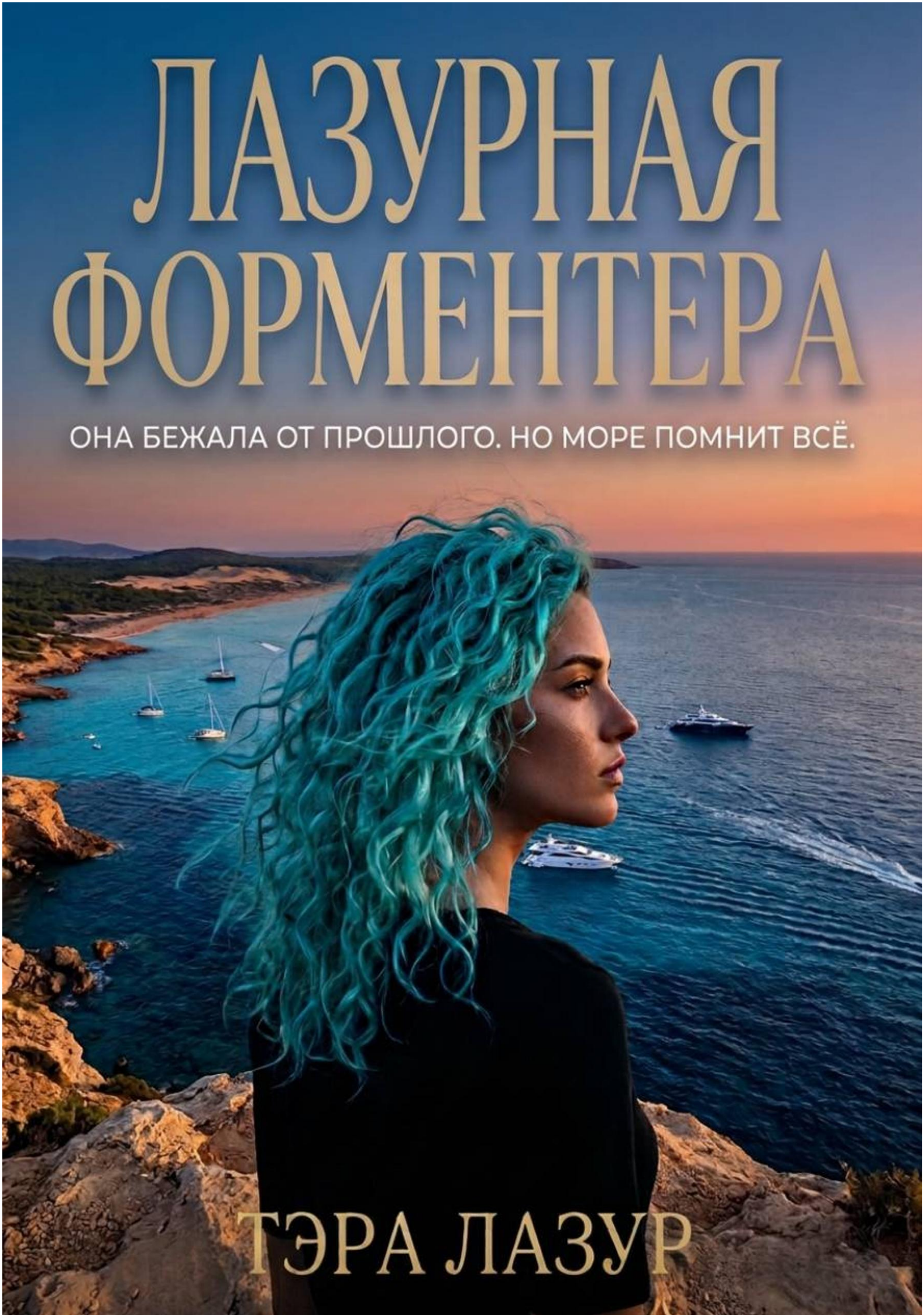
ЛАЗУРНАЯ ФОРМЕНТЕРА

ОНА БЕЖАЛА ОТ ПРОШЛОГО. НО МОРЕ ПОМНИТ ВСЁ.



ТЭРА ЛАЗУР

Тэра Лазур

Лазурная Форментера

«Автор»
2026

Лазур Т.

Лазурная Форментера / Т. Лазур — «Автор», 2026

Для ослепительного VIP-мира Балеарских островов она — Тэра Блю: неуловимая хозяйка с завораживающими аквамариновыми прядями, чья жизнь проходит на чартерах роскошных суперъяхт и закрытых ночных террасах. Для того мира, что остался позади, она — всего лишь призрак, затаившийся в тени и стремящийся не попадаться на радары влиятельного клана, от которого ей пришлось бежать с северного побережья.Всё меняется во время одного из рейсов у берегов Форментеры. Странный акустический резонанс взбудораживает воду под килем, пробивая её тщательно выстроенную броню и сталкивая с человеком, чье появление грозит окончательно сорвать с нее маску.Вынужденная оставить единственное убежище, которое она знала, Тэра устремляется к далёкому горизонту, куда не долетает шум моря. Зажатая между жизнью, от которой она сбежала, и тайной, затаившейся глубоко в её крови, ей предстоит встретиться лицом к лицу с правдой о самой себе — прежде чем безжалостные течения прошлого утянут ее на дно окончательно.

© Лазур Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Пролог 6
Глава 1. День, когда лучше было не просыпаться 7
Глава 2. Джесси 12
Глава 3. Трехпалубная крепость 15
Глава 4. Курс на Форментеру 18
Глава 5. Курс против ветра 23
Глава 6. Шампанское и транс 27
Глава 7. Падение в бездну 30
Г 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Лазурная Форментера

От автора

Дорогой читатель!

Спасибо, что держишь в руках эту книгу и готов шагнуть в этот мир вместе со мной.

Я не планировала становиться писателем. Как и большинство поворотных моментов в моей жизни, это решение было совершенно спонтанным — вызванным внутренней потребностью осмыслить, прожить и соединить воедино тот опыт, который меня сформировал. Я мама, любимая женщина, путешественница, творец и человек, которому не раз приходилось собирать свою жизнь заново с нуля. Долгое время я искала ответы на главные вопросы, знакомые многим: Кто я? Чего я хочу на самом деле? Куда двигаться дальше?

Путь к этим ответам лежал через непростые отношения, ошибки, погружение в психологию — чтобы найти мост между моим восприятием мира и тем, как видят его другие, — и через умение доверять внутреннему голосу, который всегда вел меня вперед. Мне часто советовали стать ментальным коучем и делиться этим опытом через наставничество, но для меня самый искренний способ найти отклик в сердцах — это живая история и музыка.

Как оперная певица и продюсер, я не мыслю творчества без звука. Параллельно с трилогией книг я написала и спродюсировала три музыкальных альбома — по одному к каждой части. Их можно найти на всех ключевых стриминговых платформах под псевдонимом Blue Formentera. Во время работы над текстом эти треки служили для меня проводником к воспоминаниям, мечтам, диалогам и особой глубине атмосферы.

Вы можете читать эту историю саму по себе или включить музыку фоном, чтобы полностью погрузиться в ее настроение. Если к главе привязан конкретный трек, вы увидите отметку прямо под ее заголовком.

Буду рада видеть вас и на страницах двух других частей трилогии Лазурная Форментера (Blue Formentera) — «Девушка с синими локонами» (Girl with the Blue Curls) и «Тайны глубокой синевы» (The Secrets of the Deep Blue), как только они увидят свет.

Вселенная Лазурной Форментеры (Blue Formentera) огромна, и я счастлива разделить ее с вами. Если захотите обсудить сюжет, этот мир или его музыку — буду рада пообщаться в социальных сетях.

С теплом,

Тэра

Пролог

Вода ничего не забывает. Ей чуждо забвение.

В толще морской глубины звук летит вчетверо быстрее, чем по воздуху, — плотный, неодолимый, он проносит каждую вибрацию сквозь сотни миль, не теряя своей первозданной силы. Точно так же море хранит память. В нем отзывается каждый разбившийся шторм, каждая тайна, утянутая на дно, каждая тишина, которой его заставили молчать.

Люди наивно верят, будто начать все сначала — лишь вопрос воли: билет на ночной рейс, чистый паспорт, новое имя, которое пробуешь на вкус, пока не сотрутся его острые грани.

Это заблуждение. Нельзя оставить прошлое позади, просто сделав шаг в сторону; ты лишь уносишь его на еще большую глубину, где каждое колебание отдается прямым ударом в сердце.

Здесь линия горизонта неразрывно спаяла бирюзу волн с небом. Морская соль засыхает на коже застарелым предостережением. А внутри не утихает подводное течение, властно тянущее к чему-то древнему, тяжелому и не отпущенному до конца.

Я уверяла себя, что приехала сюда, чтобы раствориться и исчезнуть. Но море не умеет прятать. Оно лишь обнажает правду.

И рано или поздно мутный ил времён оседает, а река исторгает из своей темной глубины всё, что таила впотьмах. Ничто не скроется вечно под гладью забвения: течение, верное своему долгому долгу, выносит на свет и обветренный берег даже то, чему суждено было исчезнуть навсегда.

Глава 1. День, когда лучше было не просыпаться

Первое, на что упал ее все еще грезящий взгляд, был белый потолок над ее головой. Тонкая хлопковая простыня обвивала колени влажным канатом. Кожа взмокла от ночной духоты, а в висках отдавалась сухая трехтактная пульсация — отчасти виной тому было дешевое шампанское, выпитое накануне, отчасти — зной, уже расползавшийся по углам спальни.

Ей снова снился тот же берег. Не слепящая белизна форментерских пляжей и уж точно не серая холодная галька северного побережья, оставленного далеко позади. Лишь бесконечная отмель пепельного песка под выцветшим небом без единого намека на солнце. Во сне она парила в паре дюймов над землей, скованная на месте, безуспешно пытаясь выдавить хоть звук сквозь стиснутое горло, пока невидимая тяжесть давила на грудину. Ни вздоха. Ни движения. Только ощущение невесомого плена во власти безликой силы.

Удушье во сне казалось абсолютным — паралич, при котором легкие просто отказывались принимать воздух. Пробуждение не принесло облегчения, сменив одну муку на другую: призрачный вакуум пепельного берега уступил место липкой, влажной духоте острова, навалившейся на ключицы сырым шерстяным одеялом. Одно усыпляло разум, другое медленно топило тело.

Опустив ноги с низкого матраса, Тэра коснулась ступнями плитки. Пол еще хранил прохладу, но сам воздух был густым и приторным: он намертво пропитался запахом несвежего лосьона от загара и соленой пыли — безошибочным ароматом ее хронической усталости, въевшейся в поры за три месяца выживания в разгар сезона на Ибице. Сквозь этот чад пробивался лишь слабый металлический дух настенного кондиционера, вхолостую дребезжащего на кронштейне.

Выезд в полдень. Она бросила взгляд на треснувший экран телефона на тумбочке: десять сорок две.

День на яхте. Самый нежелательный формат.

В клубах вроде *Pacha* или *Hï* скрывала спасительная темнота. Там можно было скользить между VIP-ложами, топить дежурные фразы в реве басов и растворяться в дыму у барной стойки, едва разговор принимал дурной оборот. На открытой яхте укрыться негде. Ты пригвождена к раскаленной палубе под безжалостным полуденным солнцем в компании пресыщенных мужчин, выложивших тысячи евро за иллюзию вечной юности, доступности и вседозволенности.

Дверь щелкнула и распахнулась настежь, глухо стукнув латунной ручкой о стену.

— Ты даже с постели не встала, — протянула Джесси, прислонившись к косяку.

Джесси уже была при полном параде. Она обладала пугающим даром выглядеть безупречно свежей после пары часов сна, благоухая сухим шампунем, манговым кремом и свежесваренным эспрессо. Ее серебристый топ с откровенным вырезом и микро-юбка в тон ловили утренний свет с балкона, вспыхивая зеркальными искрами. В руках она держала плечики с невесомыми полупрозрачными нарядами.

— Взгляни, — не унималась Джесси, шагнув в комнату и бросив вешалки на матрас. — Курьер только что доставил PR-бокс из Мадрида. Что надеть: прозрачный лен с открытой спиной или этот топ на цепочках?

Тэра натянула подушку на лицо:

— Джесс, я даже еще глаза не открыла.

— У тебя меньше часа, пока тот качок на жутком черном минивэне не начнет гудеть под окнами, — невозмутимо парировала Джесси, присаживаясь на край кровати и поправляя бретельку. — Марко с девяти утра оборвал телефон. Трехпалубный чартер из марины. Швейцарские фонды, медиамагнаты и какой-то немецкий спортсмен, вокруг которого все носятся как-

будто он король. Серьезные деньги. Будешь сидеть на корме с кислой миной, как в прошлый четверг, — Марко вычтет из гонорара штраф за настроение.

— На яхтах они уверены, что арендовали не только судно, но и все море, — глухо пробормотала Тэра в подушку. — Заодно со всеми, кто на борту.

— Разумеется, — отозвалась Джесси, подводя губы карандашом перед карманным зеркальцем. — Ради этого яхты и берут. Поднимайся, умойся, нанеси боевую раскраску — и закроем этот день.

Сбросив подушку, Тэра сощурилась от яркого света, полосующего комнату сквозь жалюзи.

Босиком она прошла по короткому коридору в тесную кухню. Квартира была скромной — две спальни, общий балкон с ржавой сушилкой для белья и узкая кухня, где двоим едва удавалось разойтись, — в четырех кварталах от главной набережной Плайя-ден-Босса.

С крючка на стене она сняла маленькую латунную турку, зачерпнула две ложки смолотого в пыль темного кофе, залила холодной водой и поставила на крошечный огонь.

Привычка, от которой не удалось избавиться. По субботам в доме ее детства на Балтийском побережье всегда пахло густым жареным зерном, медленно томящимся в меди. Отец никогда не заговаривал до первой чашки, и она с малых лет усвоила: тишина на кухне — единственный способ сохранить покой. Тэра наблюдала, как темная пенка поднимается к медному краю, и сняла джезву с огня ровно за секунду до того, как та успела бы осесть.

С чашкой в руке она вошла в ванную и щелкнула выключателем.

Зеркало без прикрас отразило то, что три месяца островных ночей делают с лицом двадцатитрехлетней девушки: заострившиеся скулы, тени у висков и бледные фиолетовые полумесяцы под глазами. Но ярче всего выделялись волосы. Густые, до плеч, спадающие упрямыми, непокорными волнами глубокого аквамаринового оттенка.

Тэра взяла утюжок для волос, зажала прядь у лица и потянула вниз. Но стоило убрать нагрев, как локон мгновенно свернулся обратно в свою дикую, непокорную волну, наотрез отказавшись выпрямляться.

Вздохнув, она опустила прибор на край раковины. Некоторые вещи всегда остаются как прежде.

На полочке стояла стеклянная баночка с лазурной сияющей пудрой. Обмакнув подушечки пальцев в мелкий блеск, она провела ими по верхнему краю скул, растушевывая мерцание к вискам. Для агентства, для Марко и для богатых гостей на палубе это решало дело: легкий перелив шиммера превращал природные синие пряди в продуманный, дорогой клубный образ. Делал ее не «странной», а экзотичной.

Накинув полупрозрачную белую льняную тунику поверх бикини цвета морской волны, Тэра застегнула тонкие ремешки кожаных сандалий. В агентстве действовало негласное правило: никаких каблуков на борту и ни при каких обстоятельствах не возвышаться над богатым клиентом, который заплатил пять тысяч евро, чтобы чувствовать себя вершителем мира.

С зеркальной полки она сняла тяжелый флакон Amouage Lineage с хрустальной крышкой — свою единственную безусловную слабость на острове, редкий арабский парфюм, выкупленный у чудаковатого коллекционера в старом городе на первые чаевые сезона. Одно нажатие распылителя — и прохладное, почти священное облако морской соли, терпкого имбиря и пустынного ладана осело на впадине ключиц. Спрятав в карман мятный спрей для неизбежных часов пустой светской болтовни, Тэра перевела дух и погасила свет.

С улицы донесся резкий двойной гудок.

— Тэра, машина внизу! — крикнула Джесси из прихожей, подхватывая плетеную сумку.

— Иду.

Спустившись по темной плиточной лестнице, они толкнули тяжелую стеклянную дверь подъезда и шагнули в раскаленную стену полуденного зноя.

У тротуара тихо урчал матовый черный «Мерседес» с наглухо тонированными стеклами, в которых плавились беленые фасады домов. Водитель потянулся назад и сдвинул тяжелую дверь салона.

Внутри царил ледяной холод, пахло искусственной ванилью, кожей сидений и лимонными салфетками. В подстаканниках запотели бутылки с минеральной водой.

На заднем ряду уже сидели две девушки. Одна — восточная красавица с темно-русыми локонами и пронзительными зелеными глазами, другая — смуглая латиноамериканка с безупречным черным каре и дорогим купальником под шелковой накидкой. Обе даже не оторвались от экранов телефонов, когда дверь захлопнулась.

Тэра знала эту расстановку сил. Эти двое входили в закрытый список агентства — их бронировали под персональные каюты и столы для хайроллеров, где за абсолютную конфиденциальность платили тройную ставку, а спектр услуг выходил далеко за рамки протокола. Джесси с Терой служили дневной витриной: они должны были создавать на палубе атмосферу роскошного праздника, держать нужный градус веселья, вовремя смеяться и придавать поездке статус непринужденного, залитого солнцем шика.

Минивэн мягко набрал скорость, уходя на север и оставляя позади вымотанную ночным угаром суету Плайя-ден-Босса.

За темными стеклами мелькали выгоревшие рекламные щиты ночных клубов с именами вчерашних хедлайнеров и неоновыми логотипами. По обочине, щурясь от безжалостного солнца, словно тень, брела пара обгоревших клабберов в мятом льне, пока их то и дело подрезали жужжащие арендованные скутеры.

Устроившись поудобнее, Джесси обернулась к заднему ряду с отрепетированной светской улыбкой:

— *Bonjour*. Как вчера прошел «Лио»?

Амира, восточная девушка, заговорила низким, чуть хрипловатым голосом, заглушавшим мерный гул кондиционера. Положив телефон экраном вниз на открытое бедро, она сухо усмехнулась:

— Как всегда. Реки «Дом Периньон» и несчастные артисты, рискующие шеей на грани возможного, пока публика за первыми столами даже не поднимает глаз от тарелок.

— Пустая трата таланта, — процедила София, поправляя огромные темные очки длинным безупречным ногтем. — Нашим швейцарским близнецам было плевать. Половину вечера они засовывали сотенные купюры в декольте официанткам и орали футбольные кричалки. Потом потащили всех на афтерпати на виллу в Кап-Мартине и продолжили пить. Марко сказал, они вообще не ложились. Никакие.

— Хуже, чем никакие, — добавила Амира, придирчиво рассматривая свой маникюр. — Они притащили собственного диджея — мальчишку из Цюриха, который возомнил себя гуру дип-хауса только потому, что папочка купил ему пульт Pioneer. Вчера в «Лио» он пытался встать за деку, но еле держался на ногах. День обещает быть бесконечным.

Джесси подалась вперед, оживившись:

— А Марко сказал, кто главный заказчик?

— Скорее всего, вчерашняя компания, — бросила София, глядя в окно на мелькающие пальмы. — Они то ли крупную сделку закрыли, то ли еще что-то, и сняли яхту, чтобы отметить с партнерами и за компанию вытащить приятеля-знаменитость. Не знаю точно, кто он, но пару раз проскальзывало имя какого-то вратаря.

Глаза Джесси округлились. Она пихнула Теру локтем с ликующей ухмылкой:

— Да ладно! Тот самый голкипер, о котором все трещат? Серьезно?

— Похоже на то, — язвительно отозвалась Амира. — Только-только после скандального развода. Близнецы велели Марко собрать столько девчонок, сколько поместится на шезлонгах, но сам Марко перед выездом все уши прожужжал про секретность. Наклейки на камеры, ника-

ких прямых эфиров, никаких отметок на фото. Если хоть один кадр их дружка-спортсмена со стаканом или с кем-то из нас попадет в немецкие таблоиды, его юристы засудят всех на этой палубе до нитки.

Зеленые глаза Амиры скользнули по Тере, задержались на аквамариновых локонах, рассыпанных по льняному воротнику, и опустились к простым кожаным сандалиям.

На губах Амиры мелькнула тонкая усмешка:

— Марко наверняка отправит тебя на верхнюю палубу — обслуживать его у джакузи. С такими волосами ты хотя бы сольешься с водой.

Тэра встретила ее взгляд в зеркале заднего вида, сохранив невозмутимость:

— Мне он ничего не говорил.

— Скажет, — подала голос София — без злобы, но с холодным расчетом человека, досконально изучившего бухгалтерию агентства. — Ты как раз в его вкусе. Дикая, непредсказуемая. К июлю стандартные каталожные блондинки им приедаются. Просто держи ухо востро, синеволосая. Такие привыкли получать все, что вздумается, и плевать они хотели на то, что там прописано в договоре.

— Мне все равно, чего они хотят, — негромко произнесла Тэра. — Я здесь только ради ставки за смену, не больше.

Амира издала короткий смешок, похожий на кашель:

— Милая, до самих мужиков тут никому нет дела. Нас интересуют только деньги. Но правила игры соблюдать придется. Понравишься им — станешь главным украшением дня: коллекционное шампанское, щедрые чаевые, приглашения на закрытые вечеринки. Не понравишься — превратишься в шестьдесят килограммов дорогих декоративных обоев, плавящихся на сорокаградусной жаре по восемь часов подряд. И поверь мне, как только поднимут якорь, Марко и пальцем не пошевелит ради твоего комфорта в ущерб VIP-гостю. А быть невидимкой куда утомительнее.

Минивэн сбавил ход: шины зашипели на торможении перед кольцом у отеля Ibiza Gran Hotel. В повисшей тишине приторный запах ванили из дефлекторов показался еще более удушливым.

Джесси уже снова подкрашивала губы, явно прокручивая в голове услышанное:

— А что насчет его друзей? Он один?

— Нет, с ним пара школьных дружков из Мюнхена, — отозвалась София, вновь уткнувшись в экран. — Самая отвратительная порода. Сами без гроша и без имени, но ведут себя так, будто держат в руках его безлимитную карту и купаются в чужой славе. Знаешь таких: закажут пять магнумов только для того, чтобы облить всю палубу ради десятисекундного видео, и кидаются на все, что движется в юбке. Так что держись подальше от зоны «брызг», Джесс. С шелка пятна не выводятся.

То, с каким выражением она произнесла «брызги», Тере совсем не понравилось.

Предостережение Софии повисло в морозном воздухе салона. Молчи. Улыбайся в ответ на неуклюжие жесты. Не задерживайся в узких трапах на нижней палубе. Для клиентов эта яхта была территорией абсолютной свободы, где деньги гарантировали безнаказанность. Для Джесс и Тэры это была очередная смена на натянутом канате — балансирование на грани чужих капризов с ясным пониманием того, что в открытом море никто не встанет на защиту хостес против прихоти богатого гостя.

Минивэн резко повернул направо, оставив позади тень крепостных стен старого города, и перед ними открылась широкая, залитая солнцем прибрежная автострада.

Тэра откинула голову на прохладный подголовник, глядя, как в стекле мелькают пыльные кроны пальм. В груди было тесно — отголосок утреннего кошмара все еще глухо отдавался где-то в висках.

Двадцать минут до причала. Двадцать минут до момента, когда придется улыбаться и делать вид, будто бескрайнее море — это всего лишь очередной бассейн для развлечений.

Глава 2. Джесси

Минивэн мягко скользил по Авенида-д'Эспанья, шины тихо шуршали по размякшему от зноя асфальту.

В зеркале заднего вида Тэра наблюдала, как Джесси придирчиво разглядывает свое отражение во фронтальной камере телефона. Джесси не касалась подголовника: с отточенной грацией она держала безупречную осанку, проверяя, не размазалась ли помада, и привычным движением поправляя тяжелое золотое кольцо в ухе. Четыре сезона на острове вышколили ее: Джесси умела выглядеть с иголочки даже после бессонной ночи и тряски в душном такси.

— Подержи сумку на секунду, — бросила Джесси, не поворачивая головы, и протянула объемный кремовый шопер, набитый под завязку.

Тэра приняла тяжелую ношу на колени. От плотной ткани пахло свежим упаковочным пластиком, тонкой папиросной бумагой и кедром. Внутри лежали четыре прозрачных чехла с вещами из утренней курьерской доставки.

— Ты разойдешься по швам, если будешь трамбовать их, как грязное белье, — заметила Тэра.

— Это рекламные образцы, милая. Их для того и шлют, чтобы гонять в хвост и в гриву, — ответила Джесси, с щелчком закрывая колпачок подводки. Она развернулась в кожаном кресле, изящно скрестив длинные загорелые ноги в щиколотках. — Бренд-менеджер из Мадрида вчера написал: с меня три сторис с отметками прямо с борта и один пост в ленту на фоне лаунжа на корме. Если наберется десять тысяч вьюс, они бесплатно вышлют всю зимнюю коллекцию трикотажа ко мне домой в Лондон. Осталось только сообразить, как урвать минуту на яхте и сфоткаться. — Она лукаво приподняла идеально очерченную бровь.

— Джесс, мы живем в Плайя-ден-Босса. Зачем тебе зимний трикотаж?

— Выставлю на *Vinted*, — не моргнув глазом парировала Джесси. — Или сестре отдам. У всего есть цена, если не разводить лишних сантиментов.

В этом была вся Джесси: абсолютная, расчетливая скорость без капли рефлексии.

Они делили квартиру четырнадцать месяцев — с тех самых пор, как случайно столкнулись на каменистом северном берегу Кала-Бенирас во время воскресных закатных барабанов. Джесси прилетела из пригорода Лондона с ровным автозагаром, цепким взглядом на богатых мужчин и неприкрытой жаждой денег, начисто лишившей ее стеснительности. Если Тэра оставалась молчаливой и закрытой, то Джесси была чистым, неудержимым напором, самой витриной острова — искрящейся, деловой, вооруженной скидочными промокодами, VIP-браслетами и безошибочным чутьем на миллионеров, способным засечь платиновую карту на открытой террасе за пятьдесят метров. Тэра служила балластом. Она не лезла в объективы камер, не флиртовала с промоутерами и не пыталась переманить статусных клиентов. Вместе они сошлись в странном, но на редкость слаженном симбиозе.

Джесси запустила руку в сумку, перебрала шелковые комбинации и выудила плечики с нарядом из тяжелого переливчатого шелка цвета морской волны. Это был эффектный струящийся комбинезон с широкими брюками, расписанный абстрактными океанскими узорами.

— Посмотри на это, — Джесси приложила вещь к плечу Тэры. — Для меня слишком броско — перебор с красками, сплошная драма. Но на тебе? С твоими волосами? Чистый образ главной героини.

Пальцы Тэры случайно коснулись тканого ярлычка на внутреннем шве воротника.

Взгляд упал на четкие рубленые буквы, вышитые на белой шелковой ленте: **IVI**.

— Глянь, это же *Ivi*... — протянула Джесси, указав длинным розовым ногтем.

Внутри у Тэры все оборвалось, словно она проглотила кусок льда. Дыхание перехватило в горле. Она оцепенела, не в силах оторвать взгляд от бирки, пока это имя звенело в холодном воздухе салона.

Джесси взглянула на ее застывшее лицо и закатила глаза, приняв оцепенение за неосведомленность:

— Бренд *IVI*, — с расстановкой повторила она. — Немецкий дизайнерский бутик из Кельна. Пятьсот евро за одну только шелковую тунику. Наденешь ее сегодня на афтерпати, и Марко слова не посмеет сказать про твою кислую мину.

Тэра отдернула пальцы от ярлыка, будто ткань ударила током.

Она смотрела на эти буквы. **IVI**.

Имя, которое она похоронила под толщей четырехсот миль открытого моря и поддельным паспортом, состряпанным в пыльной каморке старого города Ибицы. И теперь оно красовалось на этикетке дорогого курортного бренда, поданного соседкой, которая видела в нем лишь очередной рекламный контракт.

— Ты в порядке? — насторожилась Джесси.

Ее цепкие голубые глаза прошлись по лицу Тэры. На мгновение светская маска спала, уступив место искренней, практичной заботе, которую Джесси проявляла лишь тогда, когда выключались камеры. — Бледная какая-то. Воды попила?

— Все нормально, — с трудом сглотнув вязкую сухость, ответила Тэра. Она аккуратно сложила комбинезон и убрала обратно в сумку. — Просто не выспалась.

— Ну так просыпайся, — Джесси подалась вперед, вглядываясь в дорогу сквозь тонированное лобовое стекло. — Мы сворачиваем в марину.

На заднем ряду зашевелились остальные девушки, мгновенно переключаясь из сонного дорожного транса в режим полной боевой готовности. Амира с глухим щелчком захлопнула миниатюрный клатч под крокодиловую кожу, проверила контур губ в темном отражении стекла и встряхнула тяжелой копной волос, пахнущих медом. Рядом с ней София надвинула на глаза крупные черепаховые очки, скрывая красноту век от недосыпа, а ее лицо застыло в маске безупречного, дорогого равнодушия.

Никто вслух не говорил о том, что их ждет этим днем.

В агентских счетах они значились как «амбассадоры бренда и хостес мероприятий». На причале они служили живой декорацией, призванной придать дорогому чартеру лоск легкой, беззаботной роскоши. Обо всем остальном, что происходило за пределами гавани в открытом море, говорить было не принято — ни до начала смены, ни тем более после.

Впрочем, у Джесси на этот день были свои виды.

— Послушай меня, — зашептала она, наклоняясь так близко, чтобы слова не утонули в гуле кондиционера. — Тот спортсмен на борту... немец. Спорим, его зовут...

— Джесс, — негромко перебила Тэра, прислонившись затылком к стеклу. — Ты прекрасно знаешь, насколько мне безразличен футбол и любые другие бессмысленные мужские забавы.

— Он из сборной, — прошептала Джесси, и в ее глазах вспыхнул азартный блеск. — Только что подписал продление контракта с Мюнхеном на двадцать миллионов. Но самое сладкое: в марте жена подала на развод. Все таблоиды трубят. — Она поправила золотой браслет на запястье, и на губах заиграла хищная улыбка. — Мультимиллионер, сорвавшийся с поводка, на палубе, полной подпевал, которые смотрят ему в рот. Он здесь, чтобы оторваться за все пять лет воздержания. Наверстывает упущенное, и я сделаю так, чтобы напитки ему сегодня подавала только я.

— А может, он ее любил, и сейчас просто пьян, разбит и ищет, на ком бы сорвать зло завтра утром, — сухо бросила Тэра.

Джесси фыркнула и легонько хлопнула подругу по голому колену:

— Не разбит, Тэра, а свободен. Мужчины такого ранга не страдают от разбитого сердца, когда рассекают волны у берегов Ибицы с черным «Амексом», по которому нет лимитов. Им нужно доказать себе, бывшей и каждому зеваке в порту, что они все еще главный приз. Хватит быть такой циничной. Одни прилетают на этот остров, чтобы пойти на дно, другие — чтобы спастись. Я лишь бросаю спасательный круг.

— И берешь процент за спасение?

— Всегда, — улыбнулась Джесси, бросив последний взгляд в зеркальце на козырьке, пока машина сбавляла ход. — Девушке нужно на что-то жить, а аренду в Плайя-ден-Босса добрыми намерениями не оплатишь.

«Мерседес» миновал шлагбаум пристани Марина-Ботафоч.

За окном суперяхты выстроились вдоль бетонных пирсов подобно лесу из ослепительно белого композита и полированного хрома. Солнце нещадно слепило, отражаясь от бирюзовой глади гавани, темных бортов и панорамных стекол судов под флагами Каймановых островов, Мальты и Монако.

У четвертого причала, в тени белого тканевого навеса, стоял Марко.

Он был в своем неизменном облачении: черная льняная рубашка, застегнутая наглухо под горло, несмотря на тридцатиградусный зной, строгие черные брюки и зеркальные «авиаторы», за которыми невозможно было угадать направление его взгляда. Сверившись с золотыми часами на запястье, он заметил минивэн и властным жестом указал водителю на парковку у бордюра.

— Держим лицо, — шепнула Джесси, подхватывая сумку и отстегивая ремень безопасности.

Тэра глубоко вздохнула, в последний раз наполняя легкие ледяным воздухом салона, прежде чем их накроет душная лавина причала. Она провела пальцами по упрямым аквамариновым волнам у виска, ощутила подушечками мелкую зернистость сияющего шиммера и шагнула на раскаленный бетон.

Глава 3. Трехпалубная крепость

Жар от бетонных плит обрушился мгновенно, прошивая тонкую кожаную подошву сандалий Тэры дыханием открытой печи.

В марине стоял густой дух раскаленного дизеля, тухлой рыбы и застойной соленой воды, запертой у волнореза. Высоко над причалами древние каменные бастионы Дальт-Вила плавились под небом настолько ярким, что оно казалось выцветшим до белизны.

Тэра смотрела на эти неприступные стены, ощущая знакомый, щемящий ком под ребрами. Века осад, пиратских набегов и женщин, запертых за коваными воротами, что мерили шагами эти известняковые зубцы, глядя в открытый горизонт — в ожидании спасителя или собственной гибели на дне. Сколько их стояло на этой высоте, скованных тяжелыми подолами платьев, глядя вниз на ту же самую бирюзовую гладь с отчаянным порывом шагнуть в бездну — лишь бы сменить золотую клетку на ледяную свободу? И вот, столетия спустя, она точно так же застыла в пути, расплачиваясь молчанием за выживание под сенью того же безучастного камня.

Марко поджидал их у трапа. Он не стал тратить время на приветствия. Сняв зеркальные «авиаторы», он тыльной стороной холеной ладони вытер испарину с виска и смерил всех четверых быстрым, оценивающим взглядом.

— Опаздываете, — бросил Марко с резким, хриплым итало-испанским акцентом. — Клиенты на борту уже двадцать минут. Тендер загружен, кейтеринг задерживается, и мне меньше всего нужно, чтобы четыре девицы тратили десять минут на прически прямо на пирсе.

— Не срывайся на нас, Марко, — тут же промурлыкала Джесси, шагнув вперед с сияющей дерзкой улыбкой, мгновенно сбивающей спесь. Она поправила бретельку металлического топа, демонстрируя загорелые плечи во всей красе. — Наш милейший друг на КПП марины целых десять минут сверял номера минивэна со своим планшетом. По-моему, он просто вычислял, кто из нас оставит ему свой номер, прежде чем поднять шлагбаум.

Она легко, почти снисходительно коснулась его плеча:

— Расслабься. Мы здесь. Посмотри на нас — мы безупречны. Как только выйдем за волнорез, парни даже не вспомнят, который час.

Марко хмыкнул, скользнул взглядом мимо Джесси и задержался на VIP-паре за ее спиной. Он коротко, со знанием дела кивнул Амире:

— Амира. Они в главном салоне. Отличная работа вчера — клиент только что продлил весь пакет еще на день. Держи ту же планку. Если к закату они останутся довольны, закроем контракт до конца недели, и для тебя будет отдельный конверт. И пожалуйста, телефоны — в сумки.

Амира даже бровью не повела. Поправив массивные темные очки, она привычным жестом вскинула подбородок и молча прошла мимо него по тиковому трапу.

Затем взгляд Марко впился в Тэру.

Его губы сжались в тонкую, недовольную линию. Он окинул ее с ног до головы, подмечая простые плоские сандалии, свободный крой полупрозрачной льняной туники и дикие синие волны, рассыпавшиеся по ключицам на ветру.

— А ты, — Марко ткнул пальцем прямо ей в грудь. — Без фокусов с исчезновением. Я серьезно, Тэра. В прошлые выходные на катамаране французский промоутер искал синеволосую девушку, а ты два часа сидела на носовой сетке в наушниках, как обиженный подросток. Сегодня заказ высшей категории. Улыбайся, разливай напитки, общайся. Если поймаю тебя прячущейся в каютах команды — срежу сорок процентов от ставки.

— Я поняла, Марко, — ровным, бесстрастным голосом отозвалась Тэра, не выказывая ни злости, ни раскаяния.

— Отлично. Живее. И никаких телефонов!

Они двинулись по широкому бетонному пирсу к возвышающейся корме яхты.

Даже среди многомиллионной флотилии марины Ботафоч это судно выглядело исполином. Сорок метров композитного корпуса, сияющего арктической белизной с матово-угольными акцентами вдоль панорамного остекления. Три яруса безупречной роскоши: гидравлическая купальная платформа на корме с полуоткрытым гаражом, где виднелась пара гидроциклов и карбоновые гидрофойлы; опоясывающая лаунж-зона средней палубы с круглым мраморным столом; и верхний сан-дек с панорамным джакузи и диджейской стойкой.

Тэра подняла взгляд на белый борт. Трехпалубная крепость. Трехпалубная плавучая тюрьма.

Для туристов, щелкающих затворами камер на набережной, это был недосягаемый символ миллиардерской свободы. Для Тэры — бесконечные часы взаперти в открытом море под гул тяжелых дизелей, откуда некуда бежать.

Одна за другой они поднялись по тяжелому тиковому трапу на затененную корму.

У входа старший стюард цепким взглядом окинул их обувь — проверяя, нет ли запретных каблуков-шпилек, способных испортить покрытие, — после чего уставился на Джесси, которая тащила две огромные брендовые дорожные сумки, чехол с нарядами и кофр с кольцевой лампой.

— Решила переехать сюда на все лето? — сухо процедил он, указывая карбоновым планшетом на узкий внешний трап за переборкой камбуза. — Сначала отнесите все это на верхнюю палубу экипажа. Гости уже разливают напитки в салоне, и мне не нужно, чтобы ваш багаж путался под ногами в гостевой зоне.

Тэра и Джесси поднялись по крутой сервисной лестнице, ведущей в служебный отсек за главным обеденным залом.

Контраст между миром гостей и скрытыми механизмами роскоши был разительным. За раздвижными дверями из тонированного стекла открывался просторный салон с кремовой кожей, полированным итальянским мрамором и хрустальными ведерками со льдом, а ярусом выше высился джакузи с эффектом бесконечности. Здесь же, в тесном служебном коридоре, оглушительно гремел генератор льда, тяжелые деревянные ящики с «Дом Периньон» стояли штабелями в четыре ряда вдоль переборки, а от вентиляционных шахт машинного отделения веяло сухим жаром.

Тэра втиснула холщовый шопер на свободную полку и юркнула в тесную служебную уборную, чтобы взглянуть на себя в вибрирующее зеркало.

От жары макияж на переносице уже начал плыть. Она плеснула холодной водой на запястья, впуская спасительную дрожь по предплечьям, и вгляделась в отражение. Убрав со лба влажную прядь ярких локонов, Тэра встретилась со своим взглядом: мягкие юношеские черты лица начисто перечеркивала застывшая в глазах отрешенность.

— Хватит думать, — шепнула она зеркалу. — Шесть часов. Получить деньги. И не оглядываться.

Она вышла на мезонин средней палубы, нависающий над главным салоном.

За дверью день уже гремел вовсю.

Низкочастотный гул дип-хауса доносился из динамиков верхней палубы, перемежаясь резкими хлопками открываемого шампанского и раскатами громкого смеха. Гости даже не стали дожидаться отхода от причала: они уже перекрикивали музыку, опрокидывали бокалы и опустошали тарелки со свежими фруктами, не обращая ни малейшего внимания на персонал, который безмолвными тенями сновал следом, убирая пустые бутылки, вытирая пролитое и сметая крошки еще до того, как те успевали коснуться тика.

На борту собралось около пятнадцати человек, в основном мужчины лет под сорок в негласной униформе европейского летнего богатства: белоснежные льняные рубашки, расстег-

нутые почти до пояса, дизайнерские плавки, поляризационные очки и тяжелые золотые хронографы, жадно ловящие солнечные блики. Двое братьев-близнецов с зализанными светлыми волосами и швейцарско-немецким акцентом уже заправляли за мраморным столом, щелкая пальцами в ожидании новой порции льда.

Рядом с ними в низком шезлонге развалился знакомый диджей с набережной: со стаканом в руке он лениво качал головой в такт басам сверху. Из той породы завсегдатаев, что не упускают ни одной вечеринки и любого шанса прокатиться за чужой счет. Тэра лишь мысленно удивилась, какими правдами и неправдами ему удалось просочиться на этот борт.

Чуть поодаль, в тени, держались двое ухоженных немцев в приталенном льне. Они сканировали поднимающихся девушек холодными, оценивающими взглядами, словно владельцы модельного агентства на закрытом кастинге.

У самой кормы стояла обособленная группа крепких мужчин восточной внешности с массивными золотыми цепями и в темных очках. Один из них, сложенный как гранитная глыба, заметно выделялся шириной плеч и той невозмутимой, тяжелой властностью босса, чье малейшее движение бровей ловится на лету.

И тут она увидела его.

Он стоял у кормового леера в плотном кольце четверых мужчин, которые ловили каждое его слово, словно свита вокруг монарха.

Высокий — под метр девяносто, — с широким разворотом плеч и пружинистой осанкой элитного атлета на пике физической формы. Светлые волосы были коротко острижены по бокам и слегка растрепаны бризом. На нем были темно-синие плавательные шорты и белоснежная льняная рубашка, распахнутая настежь, открывая литой рельеф мышц груди и пресса. Даже с пяти метров его присутствие подавляло: каждый мускул выдавал взрывную силу, сделавшую его самым знаменитым голкипером Европы.

Он держал за горлышко бутылку «Короны», небрежно облокотившись о полированный поручень. Но когда он запрокинул голову, смеясь над шуткой стоявшего рядом приятеля, Тэра перехватила взгляд его выразительных зеленых глаз.

В них не было радости. Лишь тяжелая, давящая скука. Взгляд человека, который выиграл все, чью личную жизнь растерзали таблоиды, и который теперь с вызовом ждет, сумеет ли этот мир хоть чем-то его удивить.

Рядом с Тэрой бесшумно возникла Джесси, словно кошка, приметившая блюдце со сливками.

— Посмотри на него, — выдохнула Джесси, чуть не дрожа от предвкушения и торопливо разглаживая серебристую ткань микро-юбки. — Фотографии и близко не передают, какой он. Ты только глянь на эти плечи.

— От него пахнет неприятностями, Джесс, — негромко отозвалась Тэра. Она попыталась подавить предательский толчок сердца, разозлившись на себя за то, с какой легкостью его неприкрытый атлетический магнетизм пробил ее внутреннюю броню.

— От него пахнет двадцатью миллионами евро и свежим разводом, милая, — прошептала Джесси, подхватывая с сервировочной стойки поднос с наполненными бокалами шампанского. — Пожелай мне удачи. Я пошла.

Тэра смотрела, как Джесси с безупречной грацией спускается по ступенькам, покачивая бедрами в такт музыке и направляясь прямиком в орбиту звездного гостя.

Внизу, в глубине машинного отделения, глухо взревели спаренные дизели. Тяжелая вибрация прошла снизу вверх, отдаваясь в босых ступнях Тэры.

Швартовы были отданы. Трехпалубная крепость плавно отошла от причала, направляясь мимо волнореза в открытую, слепящую гладь Балеарского моря.

Глава 4. Курс на Форментеру

https://blueformentera.com/music/album/ : Blue Formentera

Яхта миновала внешний бетонный волнорез марины, и ее двигатели взревели с низким, утробным рокотом, от которого задрожал хрусталь на барной стойке. Форштевень плавно приподнялся, врезаясь в накатывающие волны пролива и беря курс на юг.

Вдали от укрытия гавани встречный морской ветер хлестнул по верхней палубе горячим соленым порывом, унося в открытое море въедливые запахи раскаленного тикового масла и дорогого солнцезащитного аэрозоля. Справа неприступная каменная громада Дальт-Вила сжалась в зазубренный силуэт на фоне ослепительно-белесого неба. Слева медленно таяла темная, покрытая колючим кустарником гряда Ибицы.

Отсюда, из глубины залива, весь город раскинулся по иссушенным прибрежным холмам как бледная мозаика. Плотная застройка выгоревших кварталов, терракотовые крыши и стеклянные балконы отелей спускались к самой кромке прибоя, дрожа в мареве полуденного зноя. С такого расстояния бурлящий порт, ползущие по кольцевым развязкам машины и бесконечная толпа туристов казались лишь крошечными безмолвными точками на выжженном фоне острова.

Трехпалубный исполин на полной скорости вошел в Эс-Фреус — коварный, капризный пролив, отделяющий южную оконечность Ибицы от плоской косы Эспальмадора. Здесь, в открытых водах, Средиземное море предстало именно таким, каким его изображают на открытках. Вода налилась грозной, густой синевой индиго, взрываемой тяжелыми волнами с белыми гребнями, идущими из открытого моря. Гул двигателей стал глуше и напряженнее, когда корпус встретил упругое сопротивление течения, выбрасывая высоко над носовым леером целые веера ярких соленых брызг.

Сквозь водяную пыль на западе древними известняковыми клыками высились выбеленные утесы Кап-дес-Фалько, чье подножие терзала вечная белая пена прибоя. То был хаотичный перекресток течений, где морское дно резко обрывалось в темную бездонную впадину. Яхту ощутимо качнуло, завалив на левый борт под напором боковой волны — немое напоминание любому, кто осмелится забыть, что этот пролив издавна служил кладбищем для беспечных капитанов, пренебрегающих глубиной под килем.

Пролив кишел участниками летнего смотра тщеславия. Огромные графитово-серые спортивные яхты с тонированными надстройками рассекали зыбь подобно охотничьим ножам, путая и без того неспокойный кильватерный след. Старинные трехмачтовые деревянные шхуны грузно переваливались на волнах, блестя лакированным тиком под безжалостным ультрафиолетом, а крошечные карбоновые каТэра прыгали по гребням, точно заводные пластиковые игрушки. Все они неслись к одному и тому же горизонту.

На главной палубе веселье стремительно набирало обороты.

На верхнем сан-деке диджей — тот самый щуплый парнишка, которого притащили с собой швейцарцы, — двинул фейдеры вперед. Звук выкрутили на максимум, и упругий пульс дип-хауса молотом обрушился на нижние ярусы через встроенные динамики. Между столиками замелькали подносы со свежими тигровыми креветками на колотом льду, ломтиками питахайи и запотевшими бутылками выдержанного *Roederer*.

Амира с Софией обосновались у центрального лаунжа, замерев в том состоянии декоративной готовности, которое до совершенства оттачивают опытные хостес: безмолвно ждать, когда понадобятся, оставаясь при этом абсолютно невидимыми, пока не позовут. Близнецы в одинаковых льняных рубашках и парных золотых хронографах *Royal Oak*громко хохотали над своими бокалами. Они перебивали друг друга, обсуждая покупку закрытого шале в Церматте,

и сыпали семизначными суммами с той показной, нарочитой развязностью, к которой прибегают мужчины, когда хотят, чтобы каждый в радиусе пяти метров знал их точную цену.

Тэра стояла в нескольких шагах от них, оперевшись о полированный поручень и глядя в открытое море.

За ее спиной за мраморным столом развалились близнецы, совершенно не смущаясь ее присутствия. Для них девушка с синими локонами в белой шелковой тунике была не более чем частью интерьера, говорящей по-английски исключительно ради чаевых — декоративной деталью, уже включенной в общий счет за чартер. Они даже не подняли глаз, когда она подошла, скользнув взглядом сквозь ее холодную невозмутимость и продолжая вести дела так, словно рядом никого не было.

— *Die Holding in Zug ist dicht*, — негромко бросил один из них на беглом швейцарском диалекте, крутя в руке бокал и не отрываясь от экрана смартфона. — Ни немецкий *BaFin*, ни швейцарский финнадзор даже не видят транзакции через Франкфурт. Как только транш упадет на трастовый счет в Вадуце, мы выведем оборотный капитал раньше, чем аудитор поймет, что обеспечения нет.

— *Und wie sicher ist die Briefkastenstruktur auf den Bermudas?*— спросил второй, постукивая тяжелыми часами по тиковому столу. — Если налоговая сверит дивидендные потоки, промежуточные холдинги разлетятся в щепки.

— *Völlig abgesichert*, — отмахнулся первый. — Трасти в Цюрихе разбил контракты через трех подставных лиц в Панаме. Нотариус получает свои два процента наличными через ячейку в Лугано, а для властей верфи официально больше не существует.

Тэра не отрывала взгляда от бегущих волн, сохраняя идеальную неподвижность, но под ребрами обожгло горькой, холодной иронией.

Цуг. Вадуц. Панама.

Она не дрогнула и даже не повернула головы. Выросшая за бронированными стеклами дома-оффиса, юридическими баррикадами и беспощадной корпоративной арифметикой, она понимала каждый звук их приглушенного сговора. Стерильный жаргон налоговых гаваней и подставных счетов был фоновым шумом ее прежней жизни — холодной механикой сильных мира сего, без лишнего шума перекраивающих реальность под себя так, чтобы законы их никогда не касались.

Она преодолела сотни миль, проложив между собой и этим душным, дорогим цинизмом целое море, лишь для того, чтобы на средиземноморской палубе подносить охлажденные фрукты точно такой же породе людей. На острове, где каждый считал синеволосую девушку лишь одноразовой красивой безделушкой с пустотой в глазах, маска беззаботной глупышки служила ее самой надежной броней.

Желая занять руки и заодно выйти из зоны их разговора, она отошла от поручня к барной стойке под тентом. Взяв с полки тяжелый хрустальный стакан, она до краев наполнила его колотым льдом, пока стенки не затянулись инеем, и откупорила бутылку тоника. Терпкая, горьковатая шипучка с легким шипением омыла лед; Тэра бросила сверху дольку лайма. Она с силой прижала ледяной бокал к ладони, позволяя обжигающему холоду вернуть мысли в фокус, и сделала долгий глоток.

Окинув палубу сквозь темные стекла очков, она оценила расклад сил. Между наглыми швейцарскими близнецами с их схемами, оценивающими взглядами модельных скаутов и общим паразитическим гулом чарТэра компания турецких гостей в затененной корме казалась самым безопасным укрытием. Если уж и приходилось держаться рядом с кем-то, чтобы пережить этот день, их угол выглядел наименее опасной гаванью.

Со стаканом в руке она подошла к дивану, где полулежал Тарек — самый крупный из них, уперев массивные предплечья в колени. Сложенный как железобетонная колонна, он был одет в наглухо застегнутую льняную рубашку, которая угрожающе трещала на его богатырском

торсе, натягиваясь между пуговицами и открывая густую темную поросль на груди. На его широком лбу застыла тяжелая, въевшаяся складка бойца, привыкшего брать свое.

Как Тэра узнала позже, он занимался средиземноморской оптовой логистикой — в основном экспортом фруктов, региональным фрахтом и теми серыми перевозками, где таможенные штампы всегда были вопросом договоренностей. По крайней мере, на бумаге. Но под этой пугающей, сокрушительной внешностью Тарек оставался одним из немногих на борту, кто не притронулся к спиртному. Он демонстративно игнорировал серебряные чаши со льдом, ломившиеся от элитного алкоголя, предпочитая показывать соседям фото двух своих дочек в телефоне и ворчать на бывшую жену, увезшую их в Женеву.

Он поднял взгляд от запотевшего стакана с минералкой; его густые брови дрогнули, зацепившись за лазурное сияние на ее висках.

— Бывала на Форментере, синеволосая? — спросил Тарек на ломаном английском с тяжелым немецким акцентом, перекрывая грохот хауса.

— Несколько раз, — отозвалась Тэра, спокойно опустив руки вдоль тела и сохраняя ту сдержанную, невозмутимую дистанцию, которая ему явно импонировала.

Тарек хмыкнул и неопределенно махнул широкой ладонью на юг, где в слепящем мареве вырастал низкий силуэт острова:

— Парни в салоне говорили, что хотят рвануть на остров на тендере пообедать. Кто-то напел им про этот их *Blue Bar*— аренда скутеров, синие коктейли, шоу инопланетян на пляже. Футболист со своими дружками рвется спустить гидроциклы и гонять между буйками.

Он сделал неторопливый глоток содовой и цинично усмехнулся.

Тэра прислонилась к мягкой спинке дивана, потягивая горький тоник:

— В «Блю Баре» весело, только если тебе девятнадцать и ты ищешь траву на дюнах, — с ленивой улыбкой протянула она. — Как только ваш знаменитый друг ступит на песок, каждый подросток с айфоном полезет ему в лицо. А береговой патруль здесь обожает выписывать бешеные штрафы за гидроциклы у зоны купания.

Она кивнула на затененную палубу и аппетитный дух чеснока и морепродуктов, тянущийся с камбуза:

— Честно? У нас здесь прохладная тень, шеф жарит свежих креветок, и никто не сует камеры под нос. На борту в сто раз лучше.

— На воде куда спокойнее, — согласился Тарек с едва заметным одобрительным кивком.

Его взгляд скользнул к верхнему лаунжу, где швейцарские финансисты вели себя все развязнее, без стеснения положив руки на обнаженные плечи Амиры и Софии — и спускаясь заметно ниже.

Расстановка сил на яхте была циничной и наглядной. Эти люди выложили круглую сумму за топливо и аренду, чтобы купить себе день абсолютной свободы в море, но по желвакам на скулах Тарека читалось глухое раздражение. Как у отца двух дочерей, происходящее вызывало у него явную неприязнь, однако он слишком хорошо знал негласную иерархию на борту, чтобы лезть на рожон. Чартер оплачивал не он, и тратить нервы на чужой балаган он не собирался.

Тарек достал из кармана телефон, провел широким пальцем по стеклу и повернул экран к ней. С фотографии на фоне женевского фонтана улыбались две девочки с темными кудряшками.

— Мои дочки, — пробормотал он, окончательно переключившись на главную для себя тему; тяжелое выражение лица на миг смягчилось. — Десять и двенадцать лет. Живут в Швейцарии. Бывшая забрала их, как только юристы закончили грызню. Я покупаю им все, что пожелают, но если они хоть раз заикнутся о поездке сюда... — Он посмотрел на залитую солнцем палубу, и глаза его снова похолодели. — Я найму им личную охрану.

Заблокировав телефон, он убрал его обратно в карман льняных брюк и внимательно посмотрел на Тэру:

— А ты немногословна. Не давишь из себя этот фальшивый смех, как остальные.

— Экономлю силы на жаре, — просто ответила она.

— Разумно, — крякнул Тарек, откидываясь назад. — Главное, чтобы из-за этой экономии у тебя и лед в стакане не замерз насмерть от скуки.

Прежде чем разговор успел продолжиться, один из владельцев медиа агентства у бара громко свистнул, требуя шампанского. Тарек отвернулся, позволив ей незаметно отступить в тень трапа.

В паре шагов от нее Джесси демонстрировала высший пилотаж светской эквилибристики. Она уже виртуозно вклинилась в окружение звездного гостя. Держа хрустальный бокал двумя пальцами с безупречным маникюром, она покачивалась на носках, заливаясь смехом над плоской шуткой его агента — плотного немца с толстой золотой цепью на обгоревшей груди. Сам спортсмен небрежно уперся ногой в тиковый планшир кормы, скрестив рельефные руки на груди, а зелень его глаз вспыхивала на солнце из-под светлой челки.

Каждые несколько секунд его взгляд соскальзывал с плеча агента, блуждая по палубе с той же беспокойной, нечитаемой отрешенностью, после чего он вновь надевал безупречную дежурную улыбку для очередного видео в чьем-то смартфоне. Джесси поймала его взгляд, подалась чуть ближе и что-то шепнула — отчего на губах голкипера заиграла самодовольная, собственническая усмешка.

Тэра отступила к переборке, чувствуя, как душная тяжесть с новой силой сжимает грудь. Дело было не только в грохоте музыки, не в чаду дорогих масел для загара, плавящихся на солнце, и не в банальном ритуале демонстрации чужого богатства перед нанятым персоналом. Необъяснимая тревога преследовала ее с самого утра, и эта плавучая клетка лишь усугубляла ее.

Ей был необходим глоток воздуха, не отравленного чужим парфюмом и разговорами об уходе от налогов.

Подхватив со стойки прохладную бутылку минеральной воды, Тэра незаметно скользнула по правому борту в обход лаунжа. Миновав тонированные окна главного салона, она по узкому тиковому проходу прошла на самый бак.

Здесь, за якорным клюзом и возвышением носовых шезлонгов, ветер был чистым и свежим. Тяжелый бас с кормовых колонок сменился приглушенным, глухим гулом, окончательно утонув в шипении белой пены, взрезаемой острым форштевнем.

Тэра ступила на приподнятую тиковую площадку на самом носу корабля, подставив соленым брызгам открытые щиколотки и подол белой туники. Закрыв глаза, она глубоко вдохнула первозданный запах открытого пролива — густую морскую соль, терпкие ноты водорослей и чистый кислород, поднимающийся от гребней волн.

Непокорные аквамариновые пряди хлестали по лицу на встречном ветру. На скулах лазурный косметический шиммер смешался с водяной пылью, размываясь по коже, и теперь казался не макияжем, а мерцающей полупрозрачной чешуей, ловящей полуденные лучи. В этот миг она выглядела гостьей из другого мира — морской нимфой в белом шелке, наконец вернувшейся в родную стихию.

Впервые за весь день тупая тяжесть в груди отпустила. Здесь, на бескрайней воде, за много миль от любого берега, мир наконец стал достаточно просторным, чтобы дышать полной грудью. Она посмотрела вниз, в темно-синюю бездну под носом рассекающего волны судна, наблюдая, как солнечный свет распадается в хрустальной толще воды на бесконечные бриллиантовые грани.

— Что я говорил насчет пряток? — раздался за спиной резкий, злой окрик.

Тэра не вздрогнула, но плечи ее мгновенно напряглись. У шезлонгов стоял Марко; в его зеркальных очках отражался ее темный силуэт на фоне моря. Желваки на скулах ходили

ходуном, а на черной льняной рубашке под мышками уже проступили темные полукружия пота.

— Марко, я просто вышла подышать...

— Гости в салоне, Тэра, — оборвал он, делая шаг вперед и переходя на ядовитый шепот. — Клиент на второй палубе спросил, куда подевалась синеволосая. Я плачу тебе три сотни евро в день не за то, чтобы ты торчала на носу фигурой на ростре и пялилась на волны. Марш на среднюю палубу: улыбайся и лови каждое его желание на лету. Живо.

Тэра посмотрела на него. Обжигающее желание заявить, чтобы он забрал свои чертовы деньги и катился к черту, захлестывало с головой. Однако она застряла здесь — и географически, и в глобальном смысле, — без каких-либо запасных путей, а действовать на импульсе было совершенно не в ее правилах.

— Иду, — отчеканила она совершенно бесстрастным голосом.

Марко смерил ее тяжелым предупреждающим взглядом, круто развернулся на каблуках и зашагал обратно к лаунжу.

Тэра осталась одна на баке ровно на один короткий, тихий удар сердца, глядя, как на мерцающем горизонте полосой бледного золота вырастает низкий, плоский силуэт ФорменТ-эры. А затем, вместо того чтобы спуститься к пьяному гомону второй палубы, она решительно шагнула к тиковому трапу, ведущему на капитанский мостик.

Глава 5. Курс против ветра

Трап с верхней палубы был узким; в воздухе стоял густой дух свежего тикового масла и выстуженного судового кондиционера.

Яхта рассекала встречную волну пролива, когда резкий боковой крен качнул палубу под ногами. На долю секунды потеряв равновесие, Тэра оступилась на крутом повороте — ровно в тот миг, когда из гостевой уборной вслепую шагнула высокая широкоплечая фигура. Они столкнулись с глухим, неловким стуком.

Мужчина машинально перехватил ее за предплечья, удерживая на крене. Хватка оказалась железной, мозолистой и непреклонной — руки профессионального атлета, привыкшего на полном ходу сбивать соперников с ног.

Вблизи его мощный торс заполнил собой весь тесный проход. Из-под расстегнутой льняной рубашки исходил жар разгоряченной кожи — густая смесь дорогого цитрусового парфюма, терпкого мужского тепла и шлейфа вчерашней элитной вечеринки. Темно-русые волосы растрепались от ветра и соли морского бриза. Под тяжелым, прищуренным взглядом зеленых глаз залегли глубокие тени — неизбежная плата за ночь, полную адреналина, но эта усталость только добавляла ему какой-то хищной, притягательной силы.

— Воу, полегче, — невнятно пробормотал он на ломаном английском с тяжелым акцентом; от его дыхания пахло сладковатой терпкостью коллекционного шампанского. Он моргнул, сверху вниз разглядывая лазурный шиммер на ее скулах и выбившиеся из-под накидки непокорные синие локоны. — Прости. Цела?

— Все в порядке, — отозвалась Тэра, сделав шаг назад, чтобы освободиться от его хватки без лишней сцены. — Можно мне пройти?

Он и не подумал уступить дорогу. Напротив — небрежно оперся тяжелым предплечьем о полированную переборку и одарил ее ленивой, самоуверенной улыбкой человека, привыкшего, что при его появлении в зале повисает благоговейная тишина.

— Роланд, — представился он, протягивая руку с таким видом, словно раздавал автографы.

Тэра посмотрела на его широкую ладонь, затем перевела невозмутимый взгляд на его лицо и тихо, снисходительно усмехнулась:

— Роланд? — с безупречно сухой интонацией переспросила она, приподняв бровь. — Кто в наше время вообще называет детей Роландами? Ты что, восьмидесятилетний баварский налоговый инспектор?

Самодовольная ухмылка мгновенно слетела с его лица, сменившись чистейшим, ошеломленным недоумением. Три сезона подряд женщины по всей Европе показательно замирали при одном звуке его имени, а теперь какая-то синеволосая хостес отчитала его, как скучного дядюшку на семейном обеде.

Прежде чем он успел переварить этот удар по самолюбию или найти достойный ответ, Тэра с кошачьей ловкостью скользнула под его локтем.

— Прошу прощения, Ро-ланд, — обронила она по слогам, словно бросила под ноги пару свинцовых грузил, и скрылась в проходе, оставив его в полном замешательстве.

Взбегая по крутым ступеням трапа в закрытую ходовую рубку, Тэра мысленно обругала себя за участившийся пульс — предательскую реакцию тела на его внезапную близость и чужое тепло.

Я тебе не по зубам, приятель.

Толкнув тяжелую композитную дверь, она шагнула в прохладную тишину капитанского мостика.

Перемена была мгновенной: удушающий зной испарился, уступив место прохладному воздуху кондиционера с легким духом озона, черного кофе и полированного винила приборной панели. Панорамные поляризационные стекла приглушали слепящий полуденный свет до мягких оттенков грифеля и сланца.

Перед тройными мониторами навигационного комплекса в высоком кожаном кресле сидел капитан, небрежно положив руку на спаренные рычаги электронного газа.

Дональд был невозмутимым, обветренным англичанином под шестьдесят, с коротко остриженными седеющими волосами и бледными голубыми глазами в сетке глубоких солнечных морщин. На нем была строгая белая рубашка с коротким рукавом и полинявшими капитанскими погонами в четыре полосы, расстегнутая у ворота. Бывший штурман Королевского флота, он брал сезонные контракты на средиземноморских супер яхтах, чтобы скопить на тихий коттедж в Корнуолле.

Он взглянул поверх очков для чтения, когда замок двери глухо защелкнулся.

— А, русалка вырвалась из сетей, — с теплой, сухой усмешкой в уголках глаз протянул Дональд. — Решила поискать убежище подальше от этих акул в пиджаках? Смело. Хотя за нарушение правил здесь вообще-то штрафуют.

— Там форменный разгром, — бросила Тэра, прислонившись плечом к переборке у штурманского стола и шумно выдохнув. — Если я услышу еще хоть одну пятиминутную лекцию про инвестиционные фонды в Лугано, я шагну за борт прямо с кормы.

— Осторожнее с желаниями, — хмыкнул Дональд, потянувшись к термосу из нержавейки и плеснув себе два пальца черного кофе в жестяную кружку. — С флайбриджа лететь добрых двенадцать метров. На двадцати двух узлах вода на ощупь ничем не отличается от бетона. Будешь кофе?

— Постою пока так, подышу воздухом, — она подошла ближе к консоли управления.

На экранах мерцали батиметрические карты с изолиниями глубин, развертками радара и телеметрией хода: *21.4 узла. Курс 184°. Глубина 48 метров.* Впереди за тонированным стеклом все отчетливее проступала низкая линия Форментеры — белые дюны Плайя-де-Ильетас светились мелом на фоне бирюзового мелководья.

— Неспокойный сегодня переход, — заметила Тэра, глядя поверх приборов на пенные гребни волн. — Чуть ноги не переломала на трапе. Не слишком ли резко идем?

Дональд сухо фыркнул:

— Делаю что могу, дорогая. Гиростабилизаторы гудят вовсю, но этой зыби в проливе плевать на пьяных гостей. — Он с недовольной миной кивнул на экраны камер наблюдения. — Девчонок из команды жалко. Чем сильнее бортовая качка, тем больше шампанского за пятьсот евро впитывается в мой тик. А драить липкую древесину до двух ночи потом моим стюардам. Если эти клоуны не умеют держать равновесие, сидели бы лучше по каютам.

Дональд слегка прищурился, оценивая ее естественную стойку при крене:

— А вот ты вошла и даже не качнулась. Разбираешься в рубке или просто зашла прокатиться, как остальные?

— На компас взгляни, — негромко бросила Тэра, указав подбородком на центральный дисплей. — Тебя сносит на три градуса с курса: боковое течение от Эспальмадора давит в правый подзор кормы. Ты компенсируешь это лишней перекладкой руля вместо того, чтобы сбросить левый газ.

Дональд моргнул, и по его обветренному лицу расплылась искренняя, уважительная улыбка.

— Справедливо, — пробормотал он, отступая на полшага от консоли. — Держи штурвал. Веди ровно на сто восемьдесят четыре, пока я подстрою интерцепторы.

Он отодвинулся в кресле, освобождая штурвал из нержавеющей стали.

Тэра без тени колебания шагнула вперед и легла ладонями на гладкий, прохладный металл. Мышечная память бесконечных выходов в море из далекого детства включилась мгновенно. Правым большим пальцем она тронула клавиши управления транцевыми плитами, поджав левый интерцептор на два процента, чтобы выровнять корпус, и тут же ощутила, как гидродинамическая опора мягко распределилась вдоль всего киля.

Дональд опустил кружку на резиновый коврик консоли и уперся предплечьями в штурманский планшет.

— «Инвинсибл», восемьдесят второй год, — негромко произнес Дональд, глядя, как серо-зеленая пена режет форштевень. — Южная Атлантика. Шли вслепую в сплошном тумане в режиме радиомолчания, шестиметровые валы перекатывались прямо через полетную палубу. Там быстро усваиваешь: ни сталь, ни дизели не делают тебя хозяином стихии. Либо ты чувствуешь ритм волны, либо море вышибает киль у тебя из-под ног.

Тэра не поворачивала головы, но плечи ее расслабились, а пальцы ослабили хватку на полированной стали ровно настолько, чтобы позволить волне самой направлять движение. Она поймала ритм. Чуть повела штурвал вправо на полдюйма, позволяя пластинам стабилизаторов мягко врезаться в набегающий поток.

— У отца был старый стальной катер, — отозвалась она, глядя на вырастающую на горизонте белую песчаную косу Ильетас. — Там, на севере. До цифровых карт он даже не дотрагивался. Если не чувствуешь сопротивления пера руля ладонями — нечего браться за штурвал.

Дональд скосил глаза на ее руки — уверенные, привычно лежащие на ободе:

— Умный был человек. Большинство девиц, которых сюда привозят, думают, будто яхта — это просто плавучая терраса с коктейлями. А ты ведешь судно как тот, кто уважает бездну под килем.

Тэра смотрела на экраны навигатора, взглядом отслеживая резкий излом батиметрической кривой глубин:

— Это всего лишь масса и сопротивление среды, Дональд, — прошептала она, удерживая палец на клавишах интерцепторов. — Отец всегда повторял: нотариусу соврать можно, а боковому течению в узком проливе — никогда. Вода на сделки не идет.

Дональд протяжно, с одобрением присвистнул, подливая себе кофе:

— Сказано как настоящим капитаном, милая. Большинство этих туристов видят в синей глади лишь дорогую песочницу. Но флот быстро учит: море — это слепая стихия хаоса, стремящаяся перемолоть сталь в ржавчину, а кости — в морскую соль. Оно не умеет любить и уж точно плевать хотело на дивиденды инвестиционных фондов.

— Потому мне и нравится здесь, наверху, — Тэра отвела штурвал влево, встречая набегающий вал. — Внизу сплошная фальшь. Люди прячутся за масками из косметики и дизайнерских тряпок. А море требует абсолютной честности. Чуть ошибся с дифферентом — и вода тут же поставит тебя на место. Ей все равно, кто ты и сколько у тебя на счетах.

— Верно, — подтвердил Дональд, вглядываясь в зеленые импульсы гидролокатора в нижнем углу экрана. — Замкнутая система. На всякое действие — равная сила противодействия.

Когда яхта перевалила через последний глубокий вал у Эспальмадора, линия эхолота на глазах оборвалась с сорока метров до восьмидесяти. Тэра ощутила этот переход почти физически — словно глухой толчок прошел через ступни прямо в зубы.

Где-то за ушами зародился тонкий, нарастающий гул, вибрирующий в унисон с ледяным движением пучины под килем. На экране сонара запульсировала плотная цепочка отметок — нечто двигалось в идеальном синхронном строю прямо под слоем температурного скачка. В глубине челюсти отозвалась глухая, вибрирующая пульсация, идущая, казалось, прямиком из бездонного синего желоба внизу.

Слишком много солнца, слишком много нервов,— осадила она себя, сжав штурвал чуть крепче, чтобы унять легкую дрожь в пальцах.

— Видишь засветки? — Дональд указал кончиком ручки на экран сонара. — Полосатые дельфины. В этот час они всегда держатся глубокого свала у Эспальмадора. Уж точно сообразительнее любого из наших гостей на палубе.

Тэра не отрывала взгляда от зеленых дуг на дисплее. Звон под ключицами стал острее, идеально совпадая с ударами волн о форштевень.

И вдруг вода вокруг преобразилась. Стоило яхте миновать глубокую банку и войти под защиту косы Форментеры, как бурлящий темно-синий индиго бесследно растаял, успокоенный песчаными отмелями Плайя-де-Ильетас. Море вспыхнуло нереальной, ослепительно прозрачной бирюзой — настолько яркой и чистой, будто ее синтезировали в лаборатории. Белоснежное песчаное дно на десятиметровой глубине просматривалось с пугающей, хрустальной четкостью, очерчивая резкую темную тень скользящего судна. Вся бухта была усеяна десятками суперъяхт, застывших подобно белоснежным дворцам, повисшим в жидком стекле.

Дверь рубки распахнулась с резким треском.

На пороге возник Марко. Лицо его потемнело от злости, в руке болтался бокал с полурастаявшим льдом.

— Тэра! — рявкнул он, и за темными стеклами очков сверкнула ярость. — Я всю среднюю палубу обыскал! Гости сидят в джакузи одни, скучают! Ты какого черта здесь в капитана играешь?

Дональд даже не повернул головы, но голос его похолодел градусов на десять:

— Она помогает вахте, приятель. Следи за тоном на моем мостике.

— Ее наняли для обслуживания гостей, а не старпомом! — огрызнулся Марко, срываясь на шипение. — Тэра. Вниз. Живо. Если не займешься гостями — за этот чартер ты не получишь ни цента.

Тэра медленно сняла ладони со штурвала.

Посмотрев на Дональда, она коротко, с благодарностью кивнула:

— Спасибо за вахту, капитан.

— В любой момент, дорогая, — мягко отозвался Дональд, возвращаясь к консоли и перехватывая штурвал. — Смотри под ноги там, внизу.

Не удостоив Марко даже взглядом, Тэра шагнула мимо него и плотно притворила за собой дверь, спускаясь обратно в душный зной и грохочущий басами угар палубы.

Глава 6. Шампанское и транс

Едва за ней захлопнулась тяжелая дверь ходовой рубки, как удушливый зной обрушился снова, накрыв мокрым горячим полотенцем.

На средней палубе слепящие блики резали глаза о полированный хром, а тяжелые басы напрочь заглушили утробный рокот судовых двигателей. На открытом флайбридже ярусом выше молодой диджей — уже сбросивший футболку и взмокший от жары — выкрутил микшер в красную зону. Синтезаторная бочка молотом падала из потолочных динамиков в упрямом, искаженном ритме *four-on-the-floor*, заставляя ребра Тэры резонировать мелкой дрожью.

У подножия трапа ее поджидал Марко. Его пальцы тисками впились в ее открытое плечо.

— На главную палубу, — процедил он сквозь зубы, пока в зеркальных стеклах «авиаторов» двоился ее прищуренный взгляд. — Близнецы, боссы агентства и Тарек со своей компанией. Чтобы развлекала их до седьмого пота, иначе снимешься с учета в ту же секунду, как коснемся причала.

Тэра резко, плавным текучим движением выдернула руку из его захвата, не удостоив его ни извинением, ни единым словом. В ее жилах разлилось холодное, безразличное отчуждение, окончательно притупившее усталость и выжегшее последние остатки покорности.

В дальнем конце обеденной зоны сидел Тарек. Рядом с ним, кружа у барной консоли, как мотылек вокруг прожектора, вертелся Жоффре. Жоффре, бессменный клубный диджей, был вечным призраком этого острова — неутомимым прожигателем жизни с воспаленными глазами и пачкой VIP-бейджей на шее, который, казалось, умудрялся одновременно присутствовать на всех закрытых террасах Ибицы. Тэра смотрела, как он громко хохочет с приведенной им девушкой, невольно гадая, спал ли этот человек хоть пару часов подряд с майских вечеринок открытия сезона.

— Те-е-ера-а! — заорал Жоффре, перекрывая грохочущий кик-драм и подлетая с двумя запотевшими стаканами водки с содовой, расплескивающейся прямо по пальцам. — От тебя разит похоронным настроением, а мы еще даже якорь не бросили! Пей давай. Если к моменту, когда тендер причалит к «Бесо Бич», ты еще не будешь навеселе — ты вообще ничего не смыслишь в Ибице.

— Я держу темп, Жоффре, — бросила Тэра, плавно обходя его стороной.

— Никто на Ибице летом не держит темп, конфетка! — захохотал он, крутанувшись на пятках и перехватывая за талию Клару, которая покачивалась рядом в расшитой пайетками-накидке. — Либо ты жжешь свечу с обоих концов до самого октября, либо остров тебя просто погасит.

Пройдя мимо бара, Тэра направилась прямо к мраморному столу, за которым сидели мужчины с полупустыми бокалами и серебряными блюдами со свежими фруктами. Опустив руку, она взяла из ледяной чаши крупную темную черешню за черенок и подняла ее двумя пальцами.

— Джентльмены, — негромко произнесла она, и ее голос отчетливо прорезал грохочущий тек-хаус.

— Стол занят, детка, — с пренебрежительной усмешкой бросил один из близнецов, откинувшись на спинку кресла в расстегнутой льняной рубашке. — Только для тех, кто платит. Или ты пришла принять заказ на выпивку?

Тэра даже бровью не повела. Опустив ладонь к талии, она развязала льняной пояс своего белого платья и позволила невесомой ткани соскользнуть к ногам, оставшись в одном лишь купальнике цвета морской волны. Ее загорелая кожа, покрытая тонкой коркой засохшей от перехода соли, жадно поймала полуденные лучи.

Ступив на край свободного тикового стула, она перекинула ноги и села прямо на полированный мраморный стол спиной к гостям, оставив ступни на сиденье. Эта поза заставила ее спину выгнуться в грациозной дуге, скрыв лицо, но открыв безупречные линии тела: золотистый скат обнаженных плеч, резкий изгиб талии и округлые бедра, прижатые к холодному камню.

Запрокинув голову, она вложила ягоду между губ и медленно потянула за черенок, позволяя темному глянцевому соку окрасить нижнюю губу.

Из немецкой компании раздался одобрительный свист.

— Вот это я понимаю, — захохотал Тарек, салютуя ей бокалом шампанского. — Вот так надо начинать обед.

Одним насмешливым, текучим движением Тэра соскользнула со стола, низко наклонилась, чтобы поднять платье с палубы — предоставив гостям именно то зрелище, за которое они заплатили, — и зашагала к сервировочному бару, не оборачиваясь. За ее спиной стол взорвался гомоном, свистом и аплодисментами. Роланд поднял бутылку пива с глухим, довольным смешком; его зеленые глаза жадно прожигали ее спину, а на губах застыла собственническая ухмылка, будто весь этот перформанс предназначался исключительно ему.

Добравшись до стойки, она вытянула из лотка со льдом неоткупоренную запотевшую бутылку *Laurent-Perrier*, сорвала золотую фольгу и с резким хлопком выбила пробку. Холодная белая пена обожгла костяшки пальцев.

Прижав горлышко к губам, она сделала три долгих, жадных глотка.

Шампанское обожгло пересохшее горло ледяной, бритвенно-острой кислотностью. Тэра опустила бутылку и вытерла рот тыльной стороной ладони. Алкоголь мгновенно ударил в пустой желудок, отсекая сознание от удушливой жары и назойливого гула.

Держа бутылку за горлышко, она двинулась к открытой корме.

Там вечеринка окончательно скатилась в разнузданный хаос. Клара, захмелевшая от беспощадного солнца и бесконечной выпивки, напрочь лишилась тормозов: сбросив топ, она отплясывала топлес у правых динамиков с диким, стеклянным смехом. Один из дружков Роланда кружил вокруг с открытым пивом, подбадривая ее криками и бесцеремонно распуская руки, пока она запрокидывала голову, принимая это потребительское животное внимание за искреннее восхищение.

Тэра отвела взгляд, сдерживая подступившую к горлу тошноту. За два сезона на острове она повидала сотни таких Клар — наивных девочек, опьяненных блеском чужих яхт и бенгальскими огнями на бутылках, уверенных, что эта роскошь их защитит, и не понимающих, что для мужчин с безлимитными картами они лишь одноразовый фон.

В паре шагов от нее, взобравшись босиком на широкий кожаный лежак, как на личный подиум, Джесси разыгрывала совершенно иную партию. Сменив наряд после своей тайной изнурительной фотосессии, она вернулась на витрину, двигаясь с выверенной пластикой модели под софитами.

Каждое смещение центра тяжести на подушке было рассчитано, каждый изгиб спины отрепетирован так, чтобы поймать полуденный свет под самым выгодным углом. Она перетекала из одной безупречной позы в другую, картинно запуская пальцы в волосы и вскидывая подбородок с наигранным равнодушием — совершенно чуждая музыке и работающая исключительно на воображаемый объектив.

Тэра шагнула на открытый тик у леера, подняла бутылку шампанского, закрыла глаза и позволила тяжелой океанской волне поглотить шум.

Она начала танцевать.

Но не так, как Джесси. В ее движениях не было расчета, не было позирования для невидимой публики и попыток подловить взгляд богатого покровителя. Тэра двигалась так, словно уже находилась под водой.

Ее тело вошло в плавный, гипнотический транс, не имевший ничего общего с бешеным темпом диджейского сета — это был чистый ритм глубокой волны, мерно качающей корпус яхты. Бедра выписывали ленивые круги. Босые ступни цепко держали тик, инстинктивно сохраняя равновесие на виражах.

Она сделала еще один долгий глоток.

Мир вокруг поплыл, растворяясь в слепящем белом мареве и бирюзовом свечении. В голове нарастал гул — не только хмельной, но и тот самый, утробный, зародившийся еще на капитанском мостике.

Бум. Бум. Бум.

Ритм пульсировал уже внутри черепа, отдаваясь в висках синхронно с мерными ударами гребных винтов. Сквозь полуприкрытые ресницы она видела пенный кильватерный след, яростным белым шлейфом тянущийся за кормой.

Вскинув бутылку над головой, Тэра крутанулась на носке. Ветер подхватил аквамариновые кудри и сорвал с кожи остатки дешевого лазурного шиммера, развеяв его в соленом воздухе морозной звездной пылью.

С другого конца палубы за ней неотрывно наблюдал Роланд.

Покинув компанию внизу, он облокотился о полированные перила и, прищурив зеленые глаза, с хищным любопытством следил за каждым плавным поворотом ее тела. Джесси мгновенно перехватила его взгляд. Ее заученная улыбка на миг остекленела, по лицу скользнула тень досады, и она тут же шагнула ближе к Роланду, пытаясь вернуть его внимание себе.

Тэре было все равно. Ей не было дела ни до Роланда, ни до Джесси, ни до трех сотен евро гонорара.

Она парила в невесомом полуденном трансе, растворившись в качке судна и холодном огне, разгоравшемся в груди.

Внезапно грубая рука с силой впилась в ее обнаженное плечо, оборвав вращение.

Бутылка шампанского едва не вылетела из пальцев.

Тэра покачнулась, щурясь от яркого света, когда Марко яростно рванул ее в тень надстройки. Его лицо побагровело от бешенства, в зеркальных очках дрожал ее растрепанный синеволосый силуэт.

— Ты что, совсем с катушек слетела? — зашипел Марко, до боли вдавливая пальцы в ее плечо. — Глушишь коллекционное вино клиента прямо из горла? Устроила бесноватые пляски на палубе? Я велел тебе развлекать гостей, бестолочь!

Тэра посмотрела на его пальцы, впившиеся в кожу, затем перевела взгляд на темные стекла его очков. Хмель в голове мгновенно уступил место ледяной, бритвенной трезвости.

— Отпусти меня, Марко.

— Ты отработала свое, — выплюнул он, толкнув ее к переборке и разжимая пальцы. — Больше ты от меня ни одного заказа не получишь. Вылетишь из базы агентства в ту же секунду, как причалим к Ибице.

Тэра ничего не ответила.

Гул в ее ушах больше не походил на музыку — это был глухой, оглушительный рокот, напрочь заглушивший его слова.

Отвернувшись от Марко, она сжала полупустую бутылку побелевшими пальцами и посмотрела в открытое море.

Глава 7. Падение в бездну

Верхний флайбридж плавился под полуденным солнцем белизной шезлонгов и раскаленным тиком.

Здесь, на высоте двенадцати метров над ватерлинией, ровный горячий ветер мгновенно сушил выступающую на коже испарину.

Яхта встала на якорь в трехстах метрах от песчаных отмелей Плайя-де-Ильетас. Вода внизу потеряла мрачную глубину индиго — она вспыхнула слепящей, химически чистой бирюзой, сквозь которую на белом дне в десяти метрах под килем резко чернела тень корпуса.

У кормового ограждения уже толпились разгоряченные гости, подначивая друг друга прыгнуть. Один из приятелей Роланда взлетел на фальшборт, пружинисто оттолкнулся и ласточкой вошел в бирюзовую гладь почти без брызг. Второй прыгнул следом куда менее изящно: зажав нос пальцами и издав дикий вопль, он полетел вниз. Две секунды тишины — и глухой, тяжелый шлепок о воду поднял высокий белый гейзер.

Мужчины заржали, перегибаясь через леера и хлопая друг друга по обгоревшим плечам.

Тэра прошла мимо них по левому борту туда, где защитный леер прерывался у шлюпбалки тендера.

Череп вибрировал. Это больше не было утренней ноющей болью — низкочастотная волна пульсировала у самого основания шеи, словно к затылку прижали мощный сабвуфер.

Бум. Бум. Бум.

Эта вибрация обрела физическую тяжесть: зубы непроизвольно сжимались, в подушечках пальцев кололо электричеством.

Хватит пить. Хватит думать, — приказала она себе.

У края джакузи стоял Роланд с белым полотенцем на шее. Сняв очки, он щурился от солнца; его выразительные зеленые глаза потемнели. Рядом с ним звонко смеялась Джесси, похозяйски положив руку на рельефный бицепс атлета.

Но Роланд не смотрел на Джесси. Сквозь дрожащее марево полуденного зноя его взгляд был намертво прикован к Тэре.

На его лице больше не было самодовольной ухмылки. Чуть наклонив голову, он разглядывал ее с жадным, напряженным вниманием: растрепанные на ветру синие волосы, просвечивающий белый лен, полупустую бутылку в тонких пальцах.

Тэра смотрела на него в упор.

Не моргая. Не улыбаясь. Весь этот пьяный балаган — угрозы Марко, расчетливые маневры Джесси, пьяные выкрики гостей — вдруг отодвинулся на недосягаемое расстояние, превратившись в немое кино за толстым бронированным стеклом.

Звук в голове накатил с новой силой.

Это был не шум дизелей и не вой ветра. Снизу поднималась чистая, восходящая акустическая гармония, втягивающая за собой саму воду под килем. Там, на двенадцатиметровой глубине, зеркальная гладь моря начала неуловимо искажаться. Идеальные концентрические круги ряби пошли по воде, разбегаясь из точки прямо под ее ногами.

Круги на воде.

Высота качнулась перед глазами с такой силой, что голова пошла кругом. Тэра инстинктивно отшатнулась от края, пытаясь удержать равновесие на фоне пустого неба.

Пальцы мгновенно онемели. Тяжелая стеклянная бутылка выскользнула из руки и кувырком полетела в пустоту.

За спиной не оказалось перил — лишь восходящий поток теплого воздуха.

Тэра опрокинулась навзничь.

На долю секунды небо заполнило все: ослепительный бело-голубой свет в ореоле ее собственных аквамариновых волос, взметнувшихся на ветру. Она успела заметить, как расширились глаза Роланда, как он бросил полотенце и рванулся вперед.

А затем опора исчезла.

Свист ветра ударил по ушам, и Средиземное море распахнуло свою пасть, чтобы поглотить ее целиком.

Удар.

Вода не показалась холодной — она была плотной, словно жидкое стекло.

В лицо ударила стена пузырей, взорвавшихся ревущей белой пеной. Инерция падения потащила ее вглубь: четыре метра, шесть метров — в безмолвную, невесомую бирюзу.

Она не стала грести. Не попыталась всплыть. Даже не задержала дыхание.

С широко раскрытыми в едкой соли глазами Тэра смотрела, как солнечные лучи играют на расходящихся по поверхности кругах, погружаясь спиной в глубокую синеву, пока голоса в ее голове выводили древнюю, забытую мелодию.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.